

*Александр Шокуров
г. Харьков, Украина*

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ УКРАИНЦЕВ И РУССКИХ

В современном мире, согласно различным подсчетам, существует от трех до пяти (как считают некоторые ученые, до семи) тысяч языков.

Учитывая, что государств приблизительно около двухсот, легко посчитать, сколько разных языковых сообществ в среднем насчитывается в каждом государстве.

В условиях всемирной глобализации наблюдаются проявления как интеграции, так и дезинтеграции этнических образований в различные политические формы. Когда объединение происходит по «имперской» модели, участник, являющийся центром экспансии, получает значительно больше выгоды от подобной интеграции. Присоединяемый этнос подчиняется, поглощается более крупным, сильным, развитым участником процесса. Используются как экономические средства, так и политические (версии о цивилизаторской миссии агрессора, мифы о воссоединении братских народов, спекуляции на языковом вопросе, о восстановлении «исторической справедливости», об «исконных» территориях, о бескорыстной «отцовской» помощи младшему партнеру и т.п.). Подобный процесс мы наблюдаем на примере «воссоздания СССР», проводимого руководством России.

Этим объясняется активная научная деятельность украинских и российских ученых, ведущих постоянные дискуссии о спорных моментах совместной истории. Цель этой статьи – внести немного больше ясности в происхождение российской и украинской наций.

Сторонники «воссоединения» рассуждают о якобы едином происхождении восточнославянских народов, провозглашенном еще в екатерининские времена, но возведенном в ранг государственной политики в сталинскую эпоху. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к понятиям «этнос» и «нация».

«Следует принять во внимание, что в отечественной и мировой науке не сложилось общепризнанного понимания природы, характера и строения этноса» [1]. Однако в подавляющем большинстве теорий легко увидеть общее: этнос есть совокупность людей, имеющих общую культуру, историю, говорящих на одном языке и осознающих свою общность как отличие от других подобных людских групп. Часто этносы приравнивают к поня-

тию нации. Это ошибка, т.к. нация – понятие политическое и географическое, а не лингвоисторикокультурное, как этнос.

Территория, на которой компактно проживает тот или иной этнос и где он составляет большинство населения, принято именовать этнической территорией [2]. Как известно, территории Украины и европейской части России во времена появления там предков современных украинцев, русских, белорусов представляли собой абсолютно разные этнические территории. Территории Украины и Белоруссии были заселены преимущественно многочисленными славянскими народами. Еще арабский географ Аль-Бекри в «Книге путей и стран» писал: «Славяне — народ столь могущественный и страшный, что если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто в мире не мог бы им противостоять».

По каким же критериям отличались славянские народы в начале второго тысячелетия?

Северяне отличались от прочих славян (например, древлян) узким лицом и долихоцефалией.

По словам летописца Нестора, поляне назывались так «занеже в поле седяху». Поляне резко отличались от соседних славянских племён и по нравственным свойствам, и по формам общественного быта: «Поляне бо своих отец обычаи имяху тих и кроток, и стыденье к снохам своим и к сестрам и к матерем своим.... брачные обычаи имеяху». При обычных и древнейших занятиях славян — охоте, рыболовстве и бортничестве — у полян более чем у других славян были распространены скотоводство, земледелие, «древоделие» и торговля.

Центром союза лютичей было святилище «Радогост», в котором почитался бог Сварожич. Все решения принимались на большом племенном собрании, а центральная власть отсутствовала.

Название племени хорватов производят от древнеиранского слова «пастух, страж скота», что может свидетельствовать о главном его занятии — скотоводстве. Древляне, радимичи и вятичи жили в лесах «подобно зверям», и браков у них не было.

Персидский ученый Ибн-Русте в X веке писал о вятичах: «Глава их, которого они называют главою глав, зовется у них «свиет-малик». И он выше супанеджа, а супанедж является его заместником».

Тот же Ибн-Русте писал о государственном устройстве других славянских народов: «У ободритов государство представляло собой федерацию, в нее входили рароги, варанги и еще ряд племен, они имели собственных князей, обладали определенной автономией, а во главе союза стоял

великий князь. Похожее устройство было у лютичей, северян. У ругиев установилась теократия. Верховный жрец бога Свентовита имел власть больше, чем у великого князя, давал указания подчиненным племенам, определял политику страны, имел храмовую дружину из 300 воинов».

Отличались у разных племен и похоронные обряды. Словене, кривичи, северяне, русы, вятичи сжигали покойников, возводя над местом погребения небольшие курганные насыпи, а поляне, древляне, волыняне, радимичи хоронили покойников в земле. Граница между территорией расселения кривичей и новгородских словен определяется археологически по типам захоронений: длинные курганы у кривичей и сопки у словен.

Некоторые славянские племена и народы различались исключительно по месту обитания, т.е. по географическим признакам. Однако следует заметить, что в подобных случаях средневековые авторы, очевидно, слишком мало знали об описываемых народах. Отличия от соседних племен все же были, иначе зачем же тогда давать этносу отдельное имя?

Таким образом, разные славянские народы отличались по антропологическим признакам, по роду основных занятий, по типу государственного устройства, по нравам и обычаям, т.е. различались чрезвычайно. Что же позволяло относить их к одному и тому же славянскому народу?

Конечно же, язык. Все этносы и племена, традиционно относимые к славянским, говорили на разных, но родственных между собой диалектах. Вспомним, что при общей нечеткости картины в отношении понятия этноса за последнее время появилось немало теорий, пытающихся снять разногласия в этом вопросе. «К числу одной из таких интересных концепций этноса следует также отнести интересное научное построение, выдвинутое некоторыми исследователями, в частности Н. Н. Чебоксаровым, которое удобно назвать информационной концепцией этноса. Оно базируется на представлении о том, что во всяком социальном образовании, как и в обществе в целом, устойчиво циркулируют потоки сообщений (информации), имеющие свои генераторы (источники) и реципиентов (тех, кто их воспринимает). Отсюда делается предположение, что в границах устойчивых социальных общностей, каковы, например, этносы, информационные потоки должны быть интенсивнее и насыщеннее, чем за их пределами. Дальнейшее развитие концепции связано с мыслью о том, что в разных исторических типах этносов – от племени до современной развитой нации – плотность информационных потоков различна и по мере исторического развития она возрастает» [3]. С нашей точки зрения, если добавить к этой концепции понятие языка информационных потоков, то картина будет и точнее,

и полнее. Смеем утверждать, что понятие языка в современной этнологии незаслуженно отодвинуто на вторые или даже третьи позиции. Ведь одноязычность этноса аксиоматична, т.е. является первейшим необходимым условием возникновения и дальнейшего развития этноса.

Ни единого «общенародного», ни какого-либо универсального, надплеменного языка для множества славянских этносов тогда не существовало. Хотя близость славянских племенных говоров, безусловно, ощущалась.

На территории, впоследствии получившей название «Московия», славяне проживали всего лишь в виде пришлого, некоренного национального меньшинства, а народ относился к финоугорским племенам, таким как эрзя, мокша, чудь, мурома, весь, мордва, пермь и т.п. Доказательством этому служит и топонимика современной российской средней полосы. Москва, Мещера, Суздаль, Муром, Вологда, Кострома, Рязань – все эти и многие другие географические названия, ставшие символами современной России, не имеют славянских корней. Значит, эта территория не была этнической территорией славян. Каким же образом финоугорские этносы заговорили на славянском языке?

У восточнославянских народов четко прослеживается разделение национального языка на литературный – церковнославянский – и разговорный простонародный. Использование литературного языка было ограничено. Его знание было доступно лишь образованным людям и верхушке, элите общества. На каком же языке говорил простой люд? Прямых указаний, к сожалению, наука до сих пор не имеет, только косвенные. К ним относятся и нерасшифрованные пока памятники (достаточно малочисленные) докириллической письменности, и топонимика центра и севера России, и свидетельства современников.

В средневековой Московии одновременно функционировало несколько языков. Княжеская знать общалась при помощи славянского койне, служащего для общения между народами с разными диалектами и языками. Народ общался на языках финской языковой группы. Тюркские языки использовались как религиозные и дипломатические в период пребывания Московии в составе Золотой Орды. И, наконец, использовался церковнославянский язык в качестве языка православных текстов и религиозных культов. Вся эта смесь в итоге и стала основой для нынешнего русского языка. Многие лингвисты отмечают, что современный русский язык совпадает в лексике только на 30–40% с другими славянскими языками, тогда как у украинского и белорусского это совпадение несоизмеримо выше и составляет 70-80%.

Церковнославянский язык воспринимался не только как язык универсальный, снимающий географическую ограниченность каждого отдельного племени, но и как язык высочайшей культуры, приобщающий отдельных просвещенных представителей этноса к огромному, богатому культурой и знаниями христианскому универсуму как доминантной цивилизационной составляющей. Т.е. общими чертами, присущими коренным этносам, жившим на территориях Украины и России, были литературный язык и, начиная с 16 века, конфессиональная общность (до 1589 г., когда Московия приняла греческий канон православной веры, там исповедовали необычную смесь из христианства, ислама и пережитков языческих культов. В доказательство вспомним заключительную благодарственную молитву Афанасия Никитина в книге «Хождение за три моря»: «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иуса Духа Божия. Аллах велик...» В подлиннике: «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Уалло. Аллах акбар. Аллах керим».).

Единство литературного – единого языка письменности, литургии, культуры, науки, образования, государственно-правового устройства – на протяжении столетий во многом помогло сгладить территориально-диалектные различия. Но для Московии разница между народным и литературным языками была столь глубока, что многие «книжные» слова постепенно полностью вытеснили «народные» эквиваленты. В русском же и белорусском языках близость просторечных и книжных форм привела к интерференции, некоему изменению, но не окончательному вытеснению.

Основу русского и украинского народов составляют совершенно разные этносы. Подтверждение этого находим у известного советского историка, археолога Л. Гумилева. Он объясняет разницу в этногенезе обеих наций совершенно различным географическим положением, и, следовательно, климатическими условиями, обусловившими разные матрицы поведения. В более суровых природных условиях этносам, составившим базу российской нации, для выживания необходимо было напряжение всех сил, максимальная консолидация усилий всех слоев общества, экстенсивная модель развития. Как следствие – «абсолютистская» модель общества, жесткое пресечение инакомыслия и «ересей» [4]. А на территории Украины и Белоруссии на несколько веков ранее уже существовали зачатки демократии. Украинцы приравниваются Л. Гумилевым к финноугорским племенам по оседлости и способности быть колонизированными. О чем Л. Гумилев забывает упомянуть, так это о совершенно разном уровне развития «лапотных» финноугорских племен и славянских народов, входивших в начале первого тысячелетия в состав Киевской Руси – одного из могуществен-

нейших государств Европы того времени. Фактически поставив знак равенства между финоуграми и славянами, он делает неверный вывод об историческом отставании Московской и Киевской Руси в своем развитии на 500 лет от западноевропейских государств.

Хотелось бы обратить внимание на то, что мы говорим именно о происхождении, истоках русского и украинского народов. Совершенно по-другому выглядит ситуация в настоящий момент, спустя несколько столетий после начала целенаправленного процесса ассимиляции всех народностей на территории сначала Российской империи, а позже – СССР. Кульминационным моментом этого процесса стал XX век, когда целые народы, не говоря уже об отдельных населенных пунктах, насильственно перемещались на новые далекие, абсолютно чужие территории. А их место занимали трудовые мигранты из столь же отдаленных восточных и северных регионов необъятного СССР. Поощрялись межэтнические браки. В гигантском «котле» должна была выплавиться новая внеэтническая общность – «советский народ». На территории Украины национализм сейчас не находит достаточно широкой поддержки именно в силу того, что «чистых» этнически украинцев найти крайне затруднительно. Если проанализировать генофонд каждого гражданина Украины, можно будет найти примеси татарской, польской, финоугорской, венгерской, еврейской и т.п. кровей. Но это тема другого исследования.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. При анализе этногенеза, безусловно, следует учитывать языки, используемые на этнической территории. При этом следует учитывать ситуацию билингвизма литературного и народного языков (например, практически во всей Европе в качестве литературного языка в средние века преимущественно использовалась латынь). Учитывая последние исследования исторической науки, сопоставительной лингвистики, можно утверждать, что основу украинской, российской и белорусской наций составили различные этносы, а не мифический единый древнерусский народ, как утверждалось ранее.

Список литературы: 1. Марков Г. Е., Пименов В. В. Этнология – Москва, Наука, 1994. – С. 6. 2. Семенов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. С. 63–74. 3. Марков Г. Е., Пименов В. В. Этнология – Москва, Наука, 1994. – С. 8. 4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли, М.: Айрис-пресс, 2008, С. 234–236.